

А. В. АНДРЕЕНКОВА

Представления о справедливости и экономическом неравенстве в сравнительном межстрановом контексте*

Социальная справедливость нечасто становится предметом изучения с помощью эмпирических данных, особенно в сравнительном контексте. В статье анализируются причины методологических и теоретических трудностей, стоящих на пути сравнительного межстранового изучения этой ключевой для социальных наук концепции. На основе данных Европейского социального исследования (ESS) проводится анализ представлений населения России и других европейских стран о роли государства в распределении общественных ресурсов и установлении социальной справедливости, о механизмах реализации этой системы и ее результатах.

Ключевые слова: сравнительные межстрановые исследования, методология опросов населения, социальная справедливость, экономическое неравенство, социальная роль государства, ESS.

Проблема “справедливости” нечасто становилась предметом изучения в сравнительных межстрановых исследованиях на базе опросов. Впрочем, подобная судьба типична и для других абстрактных концепций. Свобода, равенство, демократия, любовь, будучи базовыми элементами системы ценностей любого общества, межгрупповых и межличностных взаимоотношений, а также ключевыми понятиями многих социологических теорий, в эмпирический социологический анализ включаются редко. Но даже притом, что справедливость с трудом поддается определению и согласию по поводу самого термина нет, стремление к справедливости характерно для всех людей и всех обществ. Желание жить в обществе, построенном на принципах справедливости, поступать справедливо и быть объектом справедливого обращения со стороны других можно считать фундаментальной или базовой ценностью людей. Суждение человека о справедливости или несправедливости общества, в котором он живет, напрямую связано с общей удовлетворенностью существующей политической и социальной системой, оценкой работы отдельных элементов этой системы – институтов, законов, конкретной политики, отдельных людей. Актуальность этого вопроса в современном мире трудно переоценить.

---

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект N 16-23-19004 “Общественные ценности и установки в отношении социального государства, социальной справедливости и экологическое сознание в Европе и в России”)

Андреевкова Анна Владимировна – кандидат политических наук, заместитель директора Института сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ), руководитель Европейского социального исследования (ESS) в России. Адрес: Большая Дмитровка, 20/5, Москва 107031. E-mail: anna.andreenkova@cessi.ru.

Долгое время справедливость, ее основания, критерии и оценка оставались предметом лишь философского и этического анализа, а также религиозных исканий. Со времен античности на протяжении многих эпох этой проблеме уделяли внимание выдающиеся мыслители – от Сократа и Платона до И. Канта и А. Шопенгауэра. В XX в. изучение понятия справедливости было продолжено в рамках социальной психологии. Наряду с теоретическим дискурсом различные гипотезы о критериях справедливости, ее природе и восприятию стали проверяться эмпирическими методами, чаще всего методом эксперимента в малых группах. К этому направлению можно отнести ставшие классическими работы Дж. Роулза о справедливой социальной системе как системе с минимальным уровнем неравенства в социальных и экономических результатах, выбор которой он считал наиболее рациональным для любого незаинтересованного актора [Rawls 1971]. В рамках социальной психологии разрабатывались также теории баланса вклада и вознаграждения в работах Д. Хоманса, Д. Адамса, П. Блау, Э. Вальстера и его коллег [Homans 1974; Adams 1963; Blau 1986; Walster, Walster, Berscheid 1978], проблемы предвзятости и нетолерантности как препятствий в установлении равенства и социальной справедливости [Allport 1954], изучение альтруизма и просоциального поведения, “мотивации справедливости” (действовать во имя справедливости для всех, для других, а не исключительно для себя), а также теории “рационального выбора”.

Началом межкультурного и межстранового анализа общественных представлений о справедливости можно считать работы М. Дойча [Deutsch 1985]. Он считал, что использование и признание определенных принципов справедливости связано с теми долгосрочными целями, которые ставит перед собой общество, и этапом развития конкретного общества. Если основная общественная цель состоит в достижении экономической производительности, то чаще используется и более эффективная поддержка принципа пропорциональности заслуг, вклада и результата. Но применение этого принципа в общественных отношениях ведет к увеличению конкурентности и даже к конфликтности. Если основной социальной целью ставится социальная гармония, развитие личности, достижение всеобщего высокого уровня благосостояния, для чего требуется высокий уровень общественной кооперации и социальной солидарности, то распределение ресурсов “по потребностям” или принцип равенства более эффективны.

Немалое внимание проблеме справедливости в 1970-е и 1980-е гг. стали уделять исследователи, работающие в области экономических теорий, – от теорий о личных материальных интересах как основном мотиве экономической деятельности людей до теорий о значимости субъективно воспринимаемой справедливости в политике компаний как важной составляющей мотивации труда и здорового трудового коллектива (например, работы Т. Бейли [Bewley 1999], Д. Гринберга [Greenberg 1990]). Важную роль в становлении этого направления исследований о справедливости сыграло изучение общественных представлений и поддержки разных налоговых систем и систем перераспределения ресурсов (см., например, [Schmoelders 2006; Seidl, Traub 2001; Liebig, Valet, Schupp 2010]). Все эти работы существенно расширили наши знания и представления о справедливости и ее восприятии в разных обществах и культурах. Однако пока о полноте картины говорить рано, и эмпирических данных для ее создания пока недостаточно.

Методологические особенности изучения справедливости с помощью опросов населения

Вопрос о справедливости и ее различных аспектах стал активно изучаться с помощью количественных оценок на базе опросов лишь в последние два десятилетия. Причина нечастого обращения к этой теме ученых, работающих в эмпирической социологии и в области массовых опросов, отнюдь не в недооценке ее важности или актуальности, особенно в сравнительном аспекте. И академический, и общественный интерес к вопросу о восприятии справедливости в разных обществах был и остается очень актуальным. Однако, чтобы получить информацию об оценке и понимании справедливости среди

населения разных стран, исследователи должны преодолеть целый ряд серьезных методологических трудностей.

Остановимся на трех, на мой взгляд, основных методологических проблемах. Первая, концептуальная, заключается в **многоаспектности** самого понятия “справедливость”. Она может выступать интегральным параметром оценки взаимоотношений всех элементов социальной системы (людей, институтов, норм и законов), но может разбиваться на целый ряд относительно независимых, хотя и взаимосвязанных областей – справедливость экономическую, политическую, социально-классовую, межличностную и т.п. Второй особенностью понятия “справедливость”, которая ведет к целому ряду методологических сложностей при эмпирическом изучении методом опроса и проведении межстрановых сравнений, является его **контекстуальный характер**. Справедливость – оценочная характеристика, формирующаяся в общественном сознании в рамках сложившихся в конкретном обществе институтов, юридических законов и социальных норм, а также общепринятых практик и традиций. В результате любые межстрановые сравнения общественных представлений о справедливости, сформированных в разных социально-политических и экономических контекстах, проблематичны и на уровне операционализации, и на уровне измерения, и на уровне интерпретации данных.

Третья проблема состоит в том, что общественное восприятие справедливости **относительно неустойчиво** во времени, подвержено значительным изменениям, которые часто происходят из-за изменений общественного контекста – социально-политических и экономических отношений в сообществе или в связи с изменением референтных параметров, при сравнении с которыми формируются представления о справедливости. Хотя можно предполагать существование некоторых общечеловеческих и вневременных представлений о “высшей справедливости” и базовых принципов справедливых взаимоотношений между людьми, однако значительная часть этого понятия, в частности критерии справедливости, постоянно меняются. Эти изменения могут происходить в зависимости от достигнутого уровня справедливости, конкретных исторических и институциональных условий, общей социальной атмосферы, уровня рисков и нарушения “справедливости” и других факторов.

Подходы к решению части из этих методологических проблем существуют, однако до полного их решения пока далеко. Один из возможных путей решения проблемы концептуальной многоаспектности – ограничение предмета изучения, концентрация лишь на одном или нескольких аспектах справедливости вместо изучения понятия во всей его многогранности. Другой путь состоит в ограничении количества изучаемых объектов в сравнительном межстрановом исследовании или концентрация на анализе сходных социальных систем. Таким образом происходит сужение контекстуальной вариативности изучаемого понятия и появляются возможности для более надежных сравнений. Часто в межстрановых опросах совмещались оба эти пути.

Предметом изучения в сравнительных межстрановых опросах в последние 30 лет были отдельные аспекты справедливости – экономическое неравенство и справедливость в распределении ресурсов (например, ISSP 2009), вопросы дискриминации и социального неравенства – в том числе гендерного и этнического, – вопросы юридической справедливости, работа государственной системы по защите справедливости. Примером таких исследований в межстрановом контексте могут служить Всемирное исследование юридической справедливости WJP, Всемирное исследование криминогенной ситуации WCP, Европейское социальное исследование (ESS, волна 5 2010 г.), исследования политического равенства, демократии. Интегральный системный подход к изучению справедливости, но ограниченный лишь одной страной, использовался в исследовательском проекте “Справедливость в России” Фонда ИНДЕМ 2013–2015 гг. [Римский 2006; Римский 2013].

Восприятие экономической справедливости и неравенства в Европе

Подход, в рамках которого изучаются отдельные аспекты справедливости, был выбран в сравнительном межстрановом проекте Европейское социальное исследование (ESS). ESS – сравнительное межстрановое трендовое исследование, проводится почти во всех европейских странах каждые два года начиная с 2002 г., на базе опросов по случайной репрезентативной выборке населения каждой страны. В опросах участвуют лица 15 лет и старше, они осуществляются методом личных интервью на дому у респондентов. В России исследование проводится с 2006 г. Институтом сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ); размер выборки в одну волну составляет 2400–2600 человек (www.ess-gu.ru) [Андреевков 2009, с. 32–46; Андреевкова 2014, с. 151–162].

Кроме трендовых вопросов, повторяющихся в каждой волне исследования, в 2008 г. в ESS был включен новый модуль, посвященный разным аспектам справедливости: представлениям людей об экономическом неравенстве, экономической справедливости и роли государства в обеспечении экономической справедливости через программы социальной поддержки [Грязнова, Магун 2012; van Oorscho, Meuleman, Reeskens 2012]. Сравнительных межстрановых данных, посвященных данной теме, в Европе немного. Включение этого модуля в ESS предоставило ученым уникальный шанс провести анализ данных практически по всем европейским странам в важный для этого региона период экономической нестабильности, послуживший толчком для переосмысления многих устоявшихся представлений о принципах справедливости и работе системы социальной поддержки.

Социальная справедливость в целом и экономическая справедливость как одна из ее основных составляющих представляют собой одну из базовых ценностей в современной Европе и в России и в общественном сознании, и как цель общественного развития, государственной политики. На протяжении всего XX в. в Европе вопрос о путях достижения социальной справедливости как абсолютной ценности оставался одним из главных в политических дебатах, служил основой размежевания партий, ключевым в идеологии социал-демократического движения. Общественная неудовлетворенность острым социальным неравенством и нарушениями справедливости стала одной из основных причин социальных революций XX в., в частности в России.

Пути достижения социальной справедливости, которые выбрали страны Европы, оказались очень различными. Кое-где, как, например, в России, произошел радикальный революционный слом старой сословной системы. В некоторых странах вопрос о достижении большей социальной справедливости и сокращении неравенства стал частью программы национально-освободительного движения – распада империй и становления государств-наций с демократической системой управления, как это случилось, например, в ряде стран Восточной Европы. Третьи страны прошли поступательный путь завоевания отдельных прав и свобод для разных социальных групп в ходе рабочего, профсоюзного, женского движения, как, например, в Великобритании, Швейцарии. Такие разные исторические пути привели и к разным моделям обеспечения социальной справедливости в современных странах Европы.

Анализ данных ESS показывает, что, несмотря на различие исторических путей, у европейцев разных стран сложились в целом довольно сходные представления об экономической справедливости. Практически во всех странах Европы, включенных в ESS, данные опроса говорят о широком общественном признании и поддержке идеи равенства юридических и политических прав людей. Общее для европейцев также признание ведущей роли государства в установлении экономической справедливости – перераспределении ресурсов, поддержке нуждающихся, предоставлении равного доступа к социальным услугам.

Отношение населения к роли государства в решении задачи социальной поддержки и снижения экономического неравенства измерялось в ESS посредством нескольких вопросов. Были выделены шесть различных аспектов социальной поддержки:

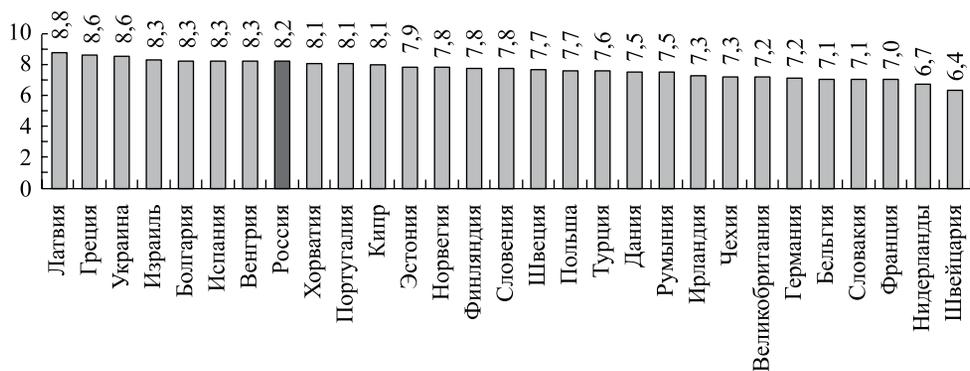

Рис. 1. Индекс общественной поддержки включенности государства в решение социальных проблем по странам – среднее значение по шкале от “0” до “10”

Источник: данные ESS, волна 4 www.ess-ru.ru

- обеспечение занятости;
- предоставление квалифицированной медицинской помощи;
- обеспечение достойного уровня жизни людям в старости;
- обеспечение достойного уровня жизни безработным;
- обеспечение ухода за детьми работающих родителей;
- предоставление оплачиваемого отпуска людям, вынужденным временно ухаживать за заболевшими членами семьи.

По каждому из аспектов респондентов просили ответить, в какой мере, по их мнению, государство должно отвечать за реализацию этой задачи и функции, используя шкалу от 0 до 10, где “0” означает, что это “вообще не должно быть задачей государства”, а “10” – что это “всецело задача государства”.

На основе полученных данных был построен Индекс общественной поддержки включенности государства в решение социальных проблем. Индекс представляет собой суммарные оценки по всем 6 показателям, стандартизированные до десятибалльной шкалы (см. рис. 1). При этом низкий показатель Индекса означает низкую общественную поддержку того, чтобы именно государство несло ответственность за выполнение различных социальных задач, а высокий – высокую поддержку.

В целом уровень общественной поддержки участия государства в регулировании и распределении различных социальных благ и ресурсов во всех европейских странах очень высок – он составляет в среднем по всем странам 7,8 баллов из 10 возможных по описанному Индексу. В каждой стране, участвовавшей в ESS, не менее 70% опрошенных считают, что решение социальных задач должно быть задачей государства. Различия между странами в этом отношении хотя и существуют, но не очень велики. Среднее значение Индекса для большинства стран составляет от 7,5 до 8,5 баллов. Наиболее высокую поддержку идея возложить функции социального обеспечения на государство находит в Южной Европе и в ряде стран Восточной Европы, включая Россию. В этих странах большинство населения считает, что практически все задачи социального обеспечения должны решаться государством, то есть общественный запрос на социальные услуги государства чрезвычайно высок. Меньше всего возлагает функции социального обеспечения на государство население стран с либеральным типом экономической системы – Великобритания, Ирландия и Швейцария. Различия между регионами и странами с разным типом экономики говорят о значимости институционального контекста и исторически сложившегося опыта построения социальных взаимоотношений при формировании общественных представлений о роли государства в обеспечении разных социальных задач и достижении экономической справедливости.

В России среднее значение Индекса общественной поддержки включенности государства в решение социальных проблем составляет 8,2 балла из 10 возможных при стандартном отклонении 1,2. То есть разброс мнений по этому вопросу в стране очень невелик.

Если в отношении общих взглядов на роль государства в социальном обеспечении граждан различия между европейскими странами и между разными группами внутри этих стран не очень велики, то в отношении конкретных функций и задач социальной поддержки разнообразие мнений гораздо шире. В большинстве стран, включенных в ESS, общественное согласие о том, что обеспечение таких социальных услуг, как здравоохранение и пенсионное обеспечение – задача государства, очень высоко. Замечу, что такая ситуация характерна именно для Европы, во многих других частях мира такого консенсуса нет. Пример неутрачивающих острых дебатов, разделяющих общество на противоположные лагеря по этому вопросу, – США. Что же касается участия государства в регулировании сфер, связанных с занятостью и трудовыми отношениями (таких, как помощь безработным, работающим людям с детьми, вынужденные отпуска по уходу за больными), то разброс мнений между и внутри европейских стран тут довольно велик.

В то же время выяснилось, что хотя запрос на социальные услуги государства в обеспечении пусть и относительной экономической справедливости и в России, и в большинстве других европейских стран очень велик, доверие институтам, которые призваны обеспечивать такую справедливость, а также оценка эффективности их работы и последствий, результатов функционирования государственной системы социального обеспечения, гораздо ниже, и существенным образом различается между странами (см. рис. 2). По общему Индексу доверия государственным и общественным институтам, основанному на оценках доверия разным институтам – политикам, политическим партиям, парламенту, юридической системе и правоохранительным органам, – страны отличаются более чем в три раза: от средней в 7,1 пункт по десятибалльному Индексу в Дании до 2,1 пункта на Украине.

В России, Украине, Латвии и ряде других европейских стран доверие как к политическим институтам (особенно участникам представительных органов, призванных обеспечивать представительность интересов разных групп населения в органах власти), так и к институтам, связанным с поддержанием справедливости и правопорядка в обществе, находится на очень низком уровне. И хотя в России уровень доверия государственным институтам в последние годы постепенно растет, но абсолютный уровень все еще остается очень низким (средняя по Индексу доверия составила 3,9 пункта из 10 возможных). Низкое доверие демократическим политическим институтам характерно сегодня

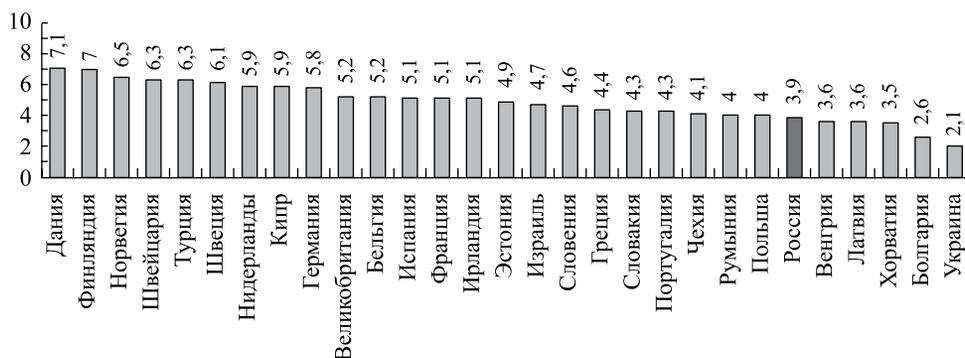

Рис. 2. Доверие государственным и общественным институтам – кумулятивный Индекс доверия по всем институтам (оценивался уровень доверия 5 различным институтам – парламенту страны, политическим партиям и политикам, полиции и судебной системе), приведенный к десятибалльной шкале, где “0” означает отсутствие доверия, “10” – очень высокий уровень доверия. Источник: данные ESS, волна 4 www.ess.ru

практически для всех европейских стран. Однако уровень доверия юридическим институтам в большинстве европейских стран, напротив, довольно высок. Это дает возможность говорить об уверенности граждан данных стран в том, что в таких обществах можно добиться выполнения установленных правил и социальных обещаний, то есть базовой формы справедливости. Россия, Украина и еще несколько стран составляют в этом отношении печальное исключение — уровень доверия юридическим институтам в этих странах практически столь же низок, как и уровень доверия политическим институтам.

Оценка эффективности работы государственной системы социальной поддержки, которая столь важна для всех европейцев, в разных странах тоже весьма различна. В ряде стран, в первую очередь, скандинавских, эта оценка очень высока. В некоторых работа государства оценивается противоречиво: их население видит как положительные, так и отрицательные стороны его работы. В третьей группе стран, в том числе и России, эта оценка чрезвычайно низка.

С тем, что государственная система социального обеспечения выполняет одну из своих главных функций (сдерживает рост бедности, предоставляет помощь наиболее нуждающимся и тем самым способствует сокращению экономического неравенства), согласны более двух третей опрошенных в 10 из 25 европейских стран, участвующих в ESS. Еще в 13 странах оценки влияния государственной системы социального обеспечения на сокращение уровня бедности разделились: около половины опрошенных считают, что государству эту задачу удастся выполнять, а около половины придерживаются противоположного мнения или сомневаются. Отдельную группу составляют страны, где большинство опрошенных (около двух третей) считают, что эта задача в их обществе не выполняется, — это постсоциалистические страны, среди которых Украина, Латвия, Россия, Болгария и Венгрия. По-разному оценивает население разных европейских стран и влияние работы системы социального обеспечения на решение задачи преодоления неравенства в обществе. В очень многих европейских странах большинство считает, что их социальная система задачу преодоления неравенства не решает.

Одна из важных составляющих отношения населения к политике по достижению социального равенства — оценка потребности в такой помощи среди разных социальных групп, остроты социальных рисков. В ESS были включены показатели оценки двух рисков на индивидуальном уровне и на общенациональном уровне. Восприятие личных рисков измерялось с помощью вопросов о вероятности разных событий в ближайший год по шкале от 1 до 4 “совсем невероятно” — “очень вероятно”; среди них:

- вероятность остаться без работы и не иметь возможности найти другую работу длительное время;
- вероятность перехода на сокращенный график работы из-за необходимости ухаживать за кем-то из членов семьи;
- вероятность наступления периодов, когда не будет хватать денег на товары и услуги первой необходимости;
- вероятность возникновения ситуации, когда не будет возможности получить необходимую медицинскую помощь.

Оценка остроты разных проблем на уровне общества измерялась вопросами о материальном положении определенных групп и наличии разных возможностей в стране по десятибалльной шкале от 0 — “очень плохое”, до 10 — “очень хорошее”. Оценивались:

- материальное положение пенсионеров;
- материальное положение безработных;
- возможности для работающих родителей устроить детей в детские сады, группы продленного дня и тому подобные детские учреждения за приемлемую плату;
- возможности молодежи в России устроиться на работу после окончания учебы.

Исследование показало, что острота различных социальных рисков воспринимается в разных европейских странах по-разному. Наиболее благоприятная оценка рисков на индивидуальном уровне, то есть мнение о том, что вероятность возникновения таких ситуаций очень мала, была отмечена в Скандинавских странах и Финляндии, в ряде стран континентальной Европы (Нидерландах, Бельгии, Германии и Швейцарии), а также

в Великобритании и двух странах Южной Европы – в Испании и на Кипре. Наиболее высоко оценивают вероятность возникновения сложных жизненных ситуаций, в которых может потребоваться помощь системы социальной поддержки, жители Украины, Латвии, России, Турции и Болгарии.

В отношении восприятия социального неблагополучия различных групп в обществе (риска на уровне общества в целом) иерархия стран в целом схожа. Довольно благоприятно оценивают материальное положение и разные социальные возможности социальных групп в странах Северной и Центральной Европы. Очень неблагоприятными считают эти условия жители многих стран Восточной и Южной Европы. При этом выделилась группа стран, где оценка рисков и на личном, и на общесоциальном уровне весьма велика. Это Украина, Латвия, Россия, Турция и Болгария. В другой группе стран оценка остроты общественных социальных проблем очень высокая, а личные риски оцениваются относительно невысоко. Это Венгрия, Словакия, Польша, Румыния, Португалия и Хорватия.

Высокий запрос на вовлеченность государства в решение проблем экономической справедливости, высокая оценка рисков и на индивидуальном, и на групповом уровне и при этом низкое доверие к институтам, призванным осуществлять эти задачи и низкая оценка эффективности их деятельности, ведут к высокому уровню неудовлетворенности функционированием всей государственной системы социального обеспечения и управления, а также к преобладанию критических взглядов на ситуацию с экономической справедливостью в обществе, обострению чувства несправедливости происходящего. Такая ситуация характерна для большинства постсоциалистических стран (хотя есть и исключения), то есть имеет системный характер. Думаю, что эти представления о несправедливости системы формируются на основе соотнесения оценок текущего состояния дел в своей стране с другими странами, с прошлым опытом страны и со сложившимися представлениями о норме или идеале. В большинстве стран, где восприятие социальной несправедливости особенно острое, реальный уровень полученной социальной помощи в абсолютных значениях действительно ниже, чем в других странах. Однако зависимость эта совсем не линейная. Например, оценки на Украине несколько выше, чем в России, а в Венгрии, наоборот, ниже, чем в России, что не отражает реального распределения ресурсов.

Для эффективной работы системы социальной поддержки с целью снижения экономического и социального неравенства в обществе за счет поддержки наиболее нуждающихся групп в обществе должен быть достигнут определенный уровень согласия относительно целей этой системы, ее конкретных задач, предоставлен определенный кредит доверия общественным и государственным институтам, призванным эти задачи решать и воплощать в жизнь разные решения. Также важно получить общественную поддержку определенных принципов и методов распределения ресурсов между разными общественными группами. В настоящее время можно говорить о том, что если в отношении направлений и целей обеспечения справедливости – достижении большего экономического равенства – население большинства европейских стран придерживается довольно схожих взглядов, то в отношении методов достижения этих целей такого согласия нет. Представления людей о методах справедливого перераспределения ресурсов, об источниках финансирования социальной поддержки, очень противоречивы почти во всех европейских странах.

В ходе исследования ESS респондентам предлагали выбрать, какую одну из позиций они предпочитают поддерживать – “больше налогов – больше социальных выплат” или “меньше налогов – меньше социальных выплат”. В России, где общая поддержка вовлеченности государства в социальное обеспечение граждан и ожидания по отношению к системе социальной поддержки, как мы видели ранее, очень велики, идея “больше налогов – больше социальных выплат” нашла поддержку лишь у 26% опрошенных. В Европе данная позиция тоже не пользуется слишком большой популярностью. Более половины населения поддерживают идею “больше налогов – больше социальных выплат” лишь в двух странах – в Финляндии и в Дании, довольно высока поддержка этой

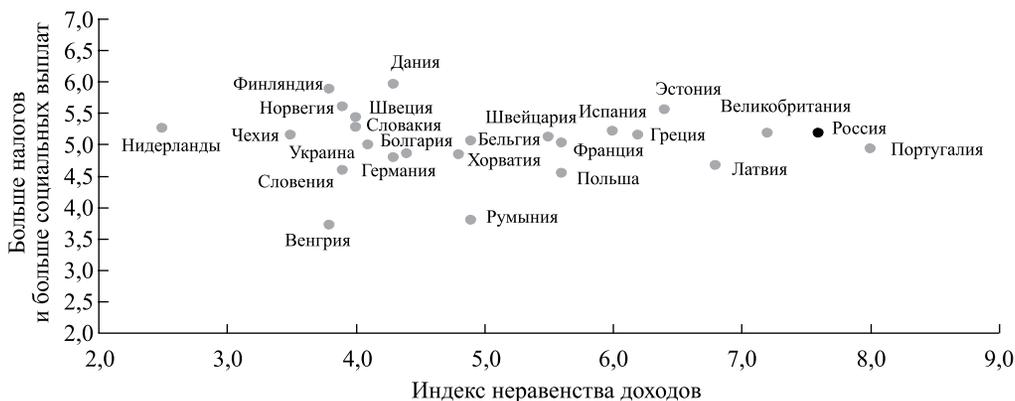

Рис. 3. Источники финансирования системы социальной поддержки.
Источник: данные ESS, волна 4 www.ess-gu.ru

позиции в Израиле, Эстонии, Норвегии, Швеции и на Кипре (40% и больше). В большинстве остальных стран эта доля не превышает трети населения.

Представляется, что идея “больше налогов – больше социальных выплат” может быть более популярна в странах, где уровень экономического неравенства довольно велик, и менее популярна там, где определенный уровень экономического равенства уже достигнут. Для проверки этой гипотезы был использован показатель Неравенства доходов в разных странах “соотношение 20/20”, то есть соотношение доходов 20% наиболее состоятельных людей к доходам 20% наименее состоятельных (данные Human Development Index UNDP, 2015) (см. рис. 3). Рисунок 3 иллюстрирует положение стран с разным уровнем неравенства доходов на шкале поддержки “больше налогов – больше социальных выплат” (средняя по десятибалльной шкале). Связь этих двух показателей нелинейная и очень слабая. В ряде стран с довольно низким уровнем неравенства доходов поддержка идеи “больше налогов – больше социальных выплат” действительно довольно высока, как, например, в Дании и Финляндии. Но в находящихся на примерно таком же уровне неравенства доходов Болгарии и Германии поддержка такой идеи значительно меньше. Россия относится к странам с одним из наиболее высоких уровней неравенства доходов, при этом поддержка данной идеи находится в нашей стране на среднеевропейском уровне.

Довольно противоречивы и взгляды россиян (как, впрочем, и всех европейцев) на принципы перераспределения ресурсов и социальных благ в обществе. Идея равенства взносов в систему социального обеспечения находит в целом не слишком большую поддержку среди жителей практически всех стран Европы. Ее поддерживают менее 10% в среднем в Европе и 5% в России. Подавляющее большинство европейцев считают, что пропорциональность должна служить основным принципом взносов в социальную систему, и различия заключаются лишь в том, сторонники ли они простого пропорционального налогообложения (равный процент от дохода), или прогрессивного (чем больше доход, тем выше процент налога). В России доля приверженцев каждого из этих принципов почти одинакова: тех, кто поддерживают принцип простой пропорциональности – 40%, прогрессивной – 46%. В целом такое распределение характерно для большинства европейских стран, участвующих в ESS, кроме Израиля и Ирландии, где большинство (две трети населения) поддерживают прогрессивное налогообложение.

Мнения людей о принципах распределения ресурсов гораздо разнообразнее, и полного согласия по этому вопросу нет ни в одной стране. В ряде стран большинство опрошенных (от половины до двух третей) одобряют прогрессивный принцип: кто зарабатывает больше – тот и получает больше (например, более высокую пенсию). Россия относится к этой группе стран, хотя доля вообще не определившихся по этому вопросу у нас (16%) одна из самых больших в Европе. То есть единые общественные представления

о принципах справедливого распределения в России либо не сформировались, либо очень противоречивы. В ряде стран доминирует эгалитаристский подход к распределению социальных ресурсов, то есть идеи равных выплат для всех, например одинаковый размер пенсий независимо от вклада. Таких взглядов придерживается значительная доля населения в странах с экономической системой либерального типа – в Великобритании, Ирландии, Швейцарии, а также Нидерландах, Израиле, Дании и Норвегии. Странников полного перераспределения (кто зарабатывает меньше, получает больше) довольно много лишь в нескольких странах (39% в Турции, 24% в Дании, 20% в Израиле, 18% в Финляндии), хотя и здесь поддерживающие этот подход не составляют большинства. По вопросу о распределении пособий по безработице сторонники эгалитаристских принципов составляют больше половины опрошенных почти во всех странах, включая Россию. Исключения составляют Германия, Испания, Португалия и Латвия.

Принципиальное отличие России от большинства других европейских стран – в отсутствии в общественном сознании связи между социальным вкладом (налогами) и социальной отдачей (социальными выплатами и льготами). В представлении людей в России задача государства – не *перераспределение* (забрать у одних и отдать другим), а *справедливая раздача людям* “государственных” ресурсов, которые возникают из неизвестных или неопределяемых источников. Мнения россиян о справедливом вкладе граждан в систему социального обеспечения самые неопределенные. Как и в других странах Европы, лишь небольшая доля населения России поддерживает полное равенство вклада для всех (платить фиксированную сумму налога независимо от дохода), остальные склоняются к принципу пропорциональности в разных его формах. Часть населения – за равную пропорциональность (фиксированный процент от дохода), а часть – за прогрессивную (чем больше доход – тем больше процент).

Факторы, определяющие различия между странами Европы в общественном восприятии справедливости

Результаты исследования подводят к ряду предположений о влиянии тех или иных факторов на восприятие уровня экономической справедливости в обществе и участия государства в его обеспечении, а также на взгляды о принципах распределения благ. Первый из них – исторический опыт группы (страны, нации). Прошлые достижения группы выступают в качестве референтной точки для сравнения. Второй фактор – институциональные особенности (институты, законы, нормы), закрепляющие, по крайней мере, в среднесрочной перспективе, этот накопленный исторический опыт. Еще одним фактором можно считать глобальную среду, достигнутый уровень социальной справедливости в других странах. В условиях глобального информационного окружения данный фактор становится особенно важным. Четвертый фактор – наличие или отсутствие общественного консенсуса по отношению к принципам распределения благ, на которых выносятся суждения о справедливости.

При этом по разным конкретным вопросам эти принципы могут быть разными – от равенства до пропорциональности, от универсальности до исключительности. Консенсус по этим вопросам достигается лишь постепенно в ходе осмысления и общественных дебатов по поводу вырабатываемых в обществе практик. Если таких дебатов нет, то для населения эти принципы остаются неизвестными, нестабильными и чаще всего оцениваются как несправедливые.

В большинстве европейских обществ на протяжении уже более 100 лет происходило поступательное увеличение широты охвата и размера социальной поддержки – от простого страхования от рисков (болезни, старости и т.п.) до задачи обеспечения возможностей для комфортной и сбалансированной жизни для всех. Однако для достижения этой цели необходим определенный уровень общественного благосостояния и более или менее стабильное увеличение общественных ресурсов. В послевоенные десятилетия большинство европейских стран переживали именно такой период постепенного роста общественного благосостояния и довольно существенного увеличения расходов на систему

социальной поддержки. Однако в последнее десятилетие ситуация изменилась. Из-за череды экономических кризисов, перешедших в один затяжной кризис, роста миграции, демографических изменений и других факторов нагрузка на систему социальной поддержки стала слишком велика, и теперь широко обсуждается необходимость ее сокращения. В общественном сознании постепенно растет представление о несправедливости или недостаточной справедливости существующей системы и выдвигаются разные предложения о ее реформировании.

В постсоциалистических странах, в том числе и в России, представления о социальном равенстве и общественно приемлемом уровне неравенства, а также о роли государства в социальном обеспечении граждан сформировались в советское время. После слома системы образовался институциональный вакуум – функции, которые государство перестало выполнять либо выполняет плохо или в меньшем объеме, чем раньше, не перешли к другим институтам, а ожидания сохранились на прежнем высоком уровне. В результате в обществе нарастает чувство острой социальной несправедливости.

На мой взгляд, в этих условиях позитивные изменения возможны лишь при выполнении каких-либо из трех условий. Первая возможность состоит в существенном улучшении качества социального обеспечения со стороны государства без соответствующего изъятия ресурсов у населения (налогов). Однако в условиях экономического кризиса и медленного экономического роста реализация подобного условия крайне маловероятна. Вторая возможность – создание благоприятной экономической, налоговой, юридической и политической среды для развития новых институтов, которые могли бы взять на себя часть социальных функций. Среди таких институтов могут быть местные сообщества, религиозные группы, важно расширение деятельности профсоюзов и профессиональных организаций, благотворительных организаций и других институтов гражданского общества. Третьей возможностью и перспективным направлением является проведение широкого обсуждения принципов распределения социальных благ и увеличения легитимности принимаемых решений – процедуры их формирования и общественного контроля над их решением. Все эти возможности не исключают, а скорее дополняют друг друга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреевкова А. В. (2014) Сравнительные межстрановые исследования в социальных науках: теория, методология, практика. М.: Новый хронограф.

Андреевков В. Г. (2009) Методологические проблемы и решения в современных международных сравнительных исследованиях // Россия в Европе: по материалам международного проекта «Европейское социальное исследование». М.: Academia. С. 13–46.

Грязнова О. С., Магун В. С. (2012) Запросы жителей европейских стран на государственную поддержку и их базовые ценности // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. № 17. Осень–Зима. С. 7–33.

Римский В. Л. (2006) Социальная политика как метод решения социальных проблем // Общественные науки и современность. № 5. С. 92–96.

Римский В. Л. (2013) Справедливость в современной России: мечты и использование в социальных практиках // Общественные науки и современность. № 5. С. 27–36.

Adams J. (1963) Stacy Toward an Understanding of Inequity // Journal of Abnormal and Social Psychology. Vol. LXVII. Pp. 422–436.

Allport G. W. (1954) The Historical Background of Modern Social Psychology // Handbook of Social Psychology. G. Lindzey G. (ed.) Cambridge (MA): Addison-Wesley. Vol. 1. Pp. 3–56.

Bewley T. F. (1999) Why Wages Don't Fall During a Recession. Cambridge (MA): Harvard Univ. Press.

Blau P. M. (1986) Exchange and Power in Social Life. New Brunswick (NJ): Transaction Books.

Deutsch M. (1985) Distributive Justice: A Social-Psychological Perspective. New Heaven: Yale Univ. Press.

Greenberg J. (1990) Organizational Justice: Yesterday, Today, and Tomorrow // Journal of Management. No. 16. Pp. 399–432.

Homans J. C. (1974) Social Behaviour and its Elementary Forms. New York: Harcourt, Brace and Worlds.

- Liebig S., Valet P., Schupp J. (2010) Perceived income justice depends on the economy // Weekly Report of the German Institute for Economic Research. No. 6. Pp. 187–192.
- Oorschot van W., Meuleman B., Reeskens T. (2012) Popular Perceptions of Welfare State Consequences, a Multilevel, Cross-National Analysis of 25 European Countries // Journal of European Social Policy. No. 22(2). Pp. 181–197.
- Rawls J. (1971) *A Theory of Justice*. Cambridge (MA): Harvard Univ. Press.
- Schmoelders G. (2006) *The Psychology of Money and Public Finance*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Seidl C., Traub S. (2001) Taxpayers' Attitudes, Behavior, and Perception of Fairness // Pacific Economic Review. No. 6. Pp. 255–267.
- Walster E., Walster G. W., Berscheid E. (1978) *Equity: Theory and Research*. Allyn and Bacon, Inc.
-

Perception of Fairness and Economic Inequality in Comparative Cross-national Context

A. ANDREENKOVA*

***Andreenkova Anna** – candidate of sciences (Political sciences), vice director of the Institute for comparative social research (CESSI), National Coordinator of European Social Survey (ESS) in Russia. Address: Bolshaya Dmitrovka, 20/5, Moscow, 107031. E-mail: anna.andreenkova@cessi.ru.

Abstract

The survey data on the perception of fairness in cross-national comparative context is rather limited. The major methodological and theoretical difficulties related to the study of this topic cross-nationally highlighted in the article are multidimensionality of the concept, time-dependence and context-dependence. Studying different aspects of fairness separately is one possible solution to overcome these difficulties. European Social Survey (ESS) introduced the module on economic fairness and welfare policies in the survey covering almost all European countries. This unique comparative data confirmed high similarity between European countries in public perception of key role of government in social provision regardless of the differences in welfare systems between countries. But the evaluation of the implementation of different redistribution strategies and government efforts to promote fairness, the satisfaction with the effectiveness of government institutions in fulfilling these functions are very different in European countries. The public demand for welfare state and policies is high and almost universally supported, but the consensus on the measures and strategies of achieving economic fairness is not reached in Russia as well as in most other European countries.

Keywords: comparative cross-national surveys, methodology of population surveys, fairness, economic inequality, welfare states, ESS.

REFERENCES

- Adams J. (1963) Stacy Toward an Understanding of Inequity. *Journal of Abnormal and Social Psychology*, vol. LXVII, pp. 422–436.
- Allport G. W. (1954) The Historical Background of Modern Social Psychology. *Handbook of social psychology*. G. Lindzey G. (ed.) Cambridge (MA): Addison-Wesley, vol. 1, pp. 3–56.
- Andreenkova A. V. (2014) *Sravnitelnye mezhsranovye issledovaniya v sozjalnyh naukach: teorija, metodologija, praktika*. [Comparative cross-national surveys in social sciences: theory, methodology, practice] M.: Novy Khronograph.
- Andreenkov V. G. (2009) Metodologicheskie problemy i reshenia v sovremennyh mezhdunarodnyh sravnitelnyh issledovaniyah [Methodological problems and solutions in modern cross-national

comparative surveys]. *Rossia v Evrope: po materialam mezhdunarodnogo proekta "Evropeiskoe sozhalnoe issledovanie"* [Russia in Europe: in accordance with international project materials "European social research"]. Moscow: Academia, pp. 13–46.

Bewley T. F. (1999) *Why Wages Don't Fall During a Recession*. Cambridge (MA): Harvard Univ. Press.

Blau P. M. (1986) *Exchange and Power in Social Life*. New Brunswick (NJ): Transaction Books.

Deutsch M. (1985) *Distributive Justice: A Social-Psychological Perspective*. New Heaven: Yale Univ. Press.

Greenberg J. (1990) Organizational Justice: Yesterday, Today, and Tomorrow. *Journal of Management*, no. 16, pp. 399–432.

Gryaznova O. S., Magun V. S. (2012) Zaprosy zhiteli evropeiskich stran na gosudarstvennuyu podderzhku i bazovye tsennosti [Demands of residents of European countries on government support and basic values]. *SPERO*, no. 17, fall-spring, 7–33.

Homans J. C. (1974) *Social Behaviour and its Elementary Forms*. New York: Harcourt, Brace and Worlds.

Liebig S., Valet P., Schupp J. (2010) Perceived Income Justice Depends on the Economy. *Weekly Report of the German Institute for Economic Research*, no. 6, pp. 187–192.

Oorschot van W., Meuleman B., Reeskens T. (2012) Popular Perceptions of Welfare State Consequences, a Multilevel, Cross-National Analysis of 25 European Countries. *Journal of European Social Policy*, no. 22(2), pp. 181–197.

Rawls J. (1971) *A Theory of Justice*. Cambridge (MA): Harvard Univ. Press.

Rimskiy V. L. (2006) Sozialnaya politika kak metod reshenia sozhalnykh problem [Social policy as the method to solve social problems]. *Obschestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 92–96.

Rimskiy V. L. (2013) Spravedlivost' v sovremennoi Rossi: mechty i ispolzovanie v sozhalnykh praktikakh [Fairness in modern Russia: dreams and usage in social practice]. *Obschestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 27–36.

Schmoelders G. (2006) *The Psychology of Money and Public Finance*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Seidl C., Traub, S. (2001) Taxpayers' Attitudes, Behavior, and Perception of Fairness. *Pacific Economic Review*, no. 6, pp. 255–267.

Walster E., Walster G. W., Berscheid E. (1978) *Equity: Theory and Research*. Allyn and Bacon, Inc.